

4. *Montero S.* 1991: *Política y adivinación en el Bajo Imperio Romano: Emperadores y harúspices (193 d.C.–408 d.C.)* (Coll. Latomus, 211). Bruxelles.
5. *Repici L.* 1995: *Gli Stoici e la divinazione secondo Cicerone* // *Hermes.* 123, 175–192.
6. *Santalucia B.* 1998: *Diritto e processo penale nell'antica Roma–Milano.*
7. *Santoro R.* 1984: *Actio in diritto antico* // *Poteri, negotia, actiones nella esperienza romana arcaica.* Napoli.
8. *Schulz F.* 1995: *I principi del diritto romano.* Firenze.
9. *Sini F.* 2001: *Sua cuique civitati religio.* Religione e diritto pubblico in Roma antica. Torino.

Л.Л. Кофанов,
доктор юридических наук, ведущий научный сотрудник
Института всеобщей истории РАН

* * *

Книга, которую так давно ждали российские историки, занимающиеся республиканским Римом, наконец увидела свет к безусловной радости всех тех из них, кто не завистлив к успехам других, – у меня она вызывает желание сказать самые добрые слова о научном творчестве ее автора.

Я пишу рецензию на монографию коллеги, чья сфера научных интересов имеет значительную плоскость пересечения с моей, что неизбежно ведет к несовпадению позиций по тем или иным исследовательским вопросам, но данное обстоятельство никогда не мешало и не мешает мне восхищаться сделанным А.М. Сморгчовым. Это не означает, что я в данном случае во всем соглашаюсь с мнением автора монографии, но аргументация и контраргументация отдельных положений и выводов – дело статей, специально посвященных определенной теме, а не собственно рецензированию всей книги. Здесь моя задача – высказать целостное о ней впечатление, поэтому, если очерчивать при этом несовпадение трактовок, то только по принципиальным моментам концептуального видения политико-правовых и сакрально-правовых механизмов римской республиканской власти.

Мало сказать, что общее впечатление от книги благоприятно. Монография вызывает чувство гордости за нашу национальную школу антиковедения, ибо в этой книге есть все самое главное: глубина проникновения в предмет изучения, обеспеченная тщательной проработкой источников и вдумчивым их осмыслением, широта эрудиции, как общеантиковедческой, так и конкретно-историографической, уважение к сделанному предшественниками при неоспоримой самостоятельности авторского взгляда. Естественно, что большая часть исследовательских результатов и выводов А.М. Сморгчова уже известна заинтересованным читателям по его журнальным и другим публикациям, но собранные под одной обложкой, они приобретают больший суммарный вес и наглядно показывают концептуальное видение автором сложного механизма взаимодействия в республиканском Риме политической и сакральной сфер.

Книга вобрала в себя несколько взаимосвязанных пластов исследований А.М. Сморгчова, которые в ней представлены в виде четырех глав: первая посвящена изучению магистратских ауспиций, вторая – религиозным полномочиям магистратов и сакральному аспекту их власти, третья – римскому публичному жречеству, четвертая – храмам в публично-правовом компоненте их основания и функционирования. Все главы в совокупности составляют тематическое единство, обозначенное в названии книги, формулировка которого после двоеточия заставляет меня как читателя все-таки немножко споткнуться при ее прочтении («магистраты, жрецы, храмы» – люди и неодушевленный предмет в перечислении через запятую). Но я прекрасно понимаю, что автор стремился максимально точно отразить в заголовке содержание всей работы.

Мне легко воспринять магистральные линии рассуждений А.М. Сморгчова, поскольку у нас с ним общие представления о том, что собой являла римская *civitas*, общие смысловые рамки, в которые помещается ее изучение (для республиканской эпохи они далеко не всегда совпадают, особенно применительно к раннему ее периоду). Мне импонирует его отношение к античной традиции, рационально-взвешенное, ибо ему чужд гиперкритический агрессивный нажим постмодернизма, на который Андрей Михайлович отвечает спокойно и точно: «мне представляется неверной сама постановка вопроса о доверии или недоверии к античной традиции, ибо это вопрос веры, а не науки» (с. 18). А в другом месте умудренно замечает, что «при желании можно увидеть что угодно и в чем угодно» (с. 155).

Разделяя многие положения автора о том, как была организована власть в римскую архаику (например, о ранней претуре как первой ординарной магистратуре, о реальности существования консульского военного трибуната и др.), не соглашусь, тем не менее, с некоторыми исходными общетеоретическими постулатами, высказанными на страницах рецензируемой книги. Этот мой скептицизм относится к противопоставлению в ней полиса и государства, к самому пониманию автором государства, которое, на взгляд Андрея Михайловича, «появляется там, где общество не может саморегулироваться», «сутью полиса является согласие, а государства – противоречие» (с. 14). Я неоднократно обосновывала свою «этическую» позицию при трактовке римской гражданской общины, а также поддерживала утверждение о том, что в античности основными функциями государства были организаторская и регулирующая¹, и они, в моем представлении, не были отделены от саморегуляции коллектива римлян, а служили ее выражением. Для меня государство – это не оторванный от римской *civitas* некий аппарат (как получается в конечном счете у Андрея Михайловича), это триединая совокупность «народ», «территория», «институционализирующая политическая власть»: последняя имеет публично-правовые механизмы реализации, и ей подчиняется все население данной территории. Не буду повторять своих дефиниций полиса и римской *civitas* как варианта полисной организации², но с утверждением о том, что «родовой категорией для понятия “полис” является “форма организации господствующего слоя”» (с. 16), не соглашусь, ибо считаю полис формой организации всего гражданского коллектива. Затем, правда, на той же странице книги идет уточнение – «форма организации политически господствующего слоя, включающая правящую верхушку и часть рядового населения государства», но оно только затрудняет понимание. Эти «неидеальные», по словам самого автора книги, его определения полиса (например, на той же странице: «Полис – политически господствующая община полноправных жителей античного государства, объединяющая верхушку общества и часть рядового населения») меня устроить не могут, ибо я, как минимум, не знаю, куда, в соответствии с такими дефинициями, следует отнести оставшуюся часть рядового населения, – не считать его частью гражданского коллектива? Но именно коллектив граждан, согласно античным мыслителям, – самое главное в определении полиса.

В монографии развернуто обоснован вывод, сделанный А.М. Сморгчовым и являющийся новым, ему принадлежащим словом в науке, о том, что магистрат получал право на ауспиции «не через куриатный закон об империи, а уже в силу своего избрания на комициях под председательством магистрата, совершившего ауспиции, т.е. испросившего благоволение богов» (с. 63). Обстоятельная аргументация убеждает меня в правоте Андрея Михайловича, хотя я раньше писала о *lex curiata de imperio* как источнике магистратских ауспиций, идя в этом отношении за предшествующей историографией. Убедил меня анализ источников, проделанный А.М. Сморгчовым, и в том, что для консулов-суффектов речь должна идти не столько о «сакральной ущербности империя» (говорить о «сакральной неполноценности империя» можно, по его справедливому замечанию, только условно), сколько об «ущербности ауспиций». То, что я пыталась нащупать, но не смогла точно обозначить в силу того, что лишь попутно касалась вопроса о «религии и власти», вдумчивый автор специального исследования сделал точнее и четче. Причем выводом, что не было «сакральной ущербности» магистратского империя как такового, А.М. Сморгчов еще с одной (религиозной) стороны подкрепил, сам того не желая, мою позицию о том, что *imperium* по объему полномочий, заложенных в нем, не может быть большим или меньшим, он всегда одинаков в этом отношении (одинакова совокупность прав, заключенных в нем хотя бы в «свернутом виде»)³, отличаться может только механизм их реализации, что и породило понятия «большой» и «меньший» империй⁴. Сам же А.М. Сморгчов, когда пишет, что «империй преторов был меньше империя консулов» (с. 83), «консул, называя диктатора, назначал большую власть» (с. 172) и т.п., вкладывает смысл, как создается у меня впечатление при прочтении текста книги, именно различия «объема полномочий». Во всяком случае, четкости в содержательном наполнении автором этих понятий по тексту книги не прослеживается.

Недооценкой (или неприятием) А.М. Сморгчовым положения, что объем империя всегда один и тот же, я объясняю и его удивление по поводу того, что античные авторы никак не комментировали несоответствие, на его взгляд, сакральному и государственному праву процедуры назначения диктатора через консула – «меньшая власть назначала большую, что было недопустимо при избрании магистратов» (с. 174). Власть у консула по объему была не меньшей по сравнению с диктатором (у них был один и тот же единый и неделимый *imperium*), разными были условия практического применения заложенных в империи прав, в том числе действовал принцип иерархии магистратов.

¹ Дементьева 2010, 149–156.

² Дементьева 2010, 130.

³ Дементьева 2005.

⁴ Дементьева 2003, 168–169.

Ссылка на претора, который в обычной ситуации не мог провозглашать вышестоящего в иерархии магистрата (но в исключительных ситуациях мог и он, как следует из анализа самого А.М. Сморгкова, с. 175–177), не показательна. Консул провозглашал диктатора и «замораживал» после этого свою компетенцию на срок диктатуры (выполняя только то, что поручал ему диктатор, а по собственной инициативе империй своей не применяя), чего не происходило в обычных условиях, когда консулы и преторы находились просто в ситуации соподчинения.

Из предыдущего уже ясно, что мое пристальное внимание привлек третий параграф II главы «Сакральные аспекты раннереспубликанской диктатуры», в котором А.М. Сморгков – при всей нейтральности названия – стремится, так сказать, «очистить» магистратуру диктатора от всякой сакральности. Автор заостренно полемизирует с теми историками (прежде всего Д. Козном и А. Магделеном), которые делали упор на сакральный, магический характер магистратуры, в том числе усматривали его в процедурах назначения диктатора и ряде его функций. Признавая, что названные исследователи сильно сгустили краски в этом отношении, полагаю все же, что и Андрей Михайлович перегибает палку в пылу полемики, ударяясь в противоположную крайность, по сути дела лишая религиозного значения даже магического обряд «вбивания гвоздя» диктатором (с. 164–169). Мне представляется, что все упирается в изначальную божественно-правовую природу римского империя, какой бы магистрат ни был его носителем: священный ореол и магическая аура обладателя империя в восприятии римлян, конечно, имели место. И по отношению к диктатору «священный трепет» был более сильным, чем по отношению к консулу, поскольку, как признает и сам Андрей Михайлович, «высшая власть, тем более единоличная и авторитарная, в той или иной степени всегда вызывает чувства, подобные религиозному почитанию» (с. 164), «большая власть всегда вызывает большее уважение и страх, в которых присутствует и религиозная сторона» (с. 179).

Представляется, что Андрей Михайлович прав в своем стремлении показать, что сакральные полномочия диктаторов не имели принципиального отличия от таковых у консулов и других магистратов с империем, – это опять-таки подтверждает мою концепцию о том, что экстраординарная и ординарная власть по объему полномочий, заключенных в империи, не различались. И утверждение А.М. Сморгкова о том, что «*dictio* и *renuntiatio* по сути были аналогичными актами» (с. 173) соответственно при назначении диктатора и при провозглашении имени победившего на выборах ординарного высшего магистрата, я считаю во многом верным наблюдением, продолжающим линию аргументации все той же моей концепции (хотя автор монографии, разумеется, такой цели не ставил).

Все же «десакрализация» диктаторской власти, проведенная А.М. Сморгковым, излишне глобализирована, в таком виде она, на мой взгляд, вступает в противоречие с признанием им самим сакральных функций данных чрезвычайных магистратов. А они, в моем представлении, – древний религиозный компонент римского империя, которым наделялись еще цари⁵. Признавая диктатора наследником царской власти (и отмечая, что это – общее убеждение античных авторов), Андрей Михайлович при этом отрицает религиозную составляющую полномочий диктатора, которая была свойственна царю (с. 154). На мой взгляд, можно сопоставлять сакральные функции царя и диктатора, выяснять, каких полномочий, которыми был наделен первый, не осталось у второго, но вообще не признавать сакральную сторону диктаторской компетенции, корнями уходящую в царскую власть и сохранившуюся в унаследованном от царей империи, по меньшей мере странно: тогда надо не признавать преемственности империя – от царей к высшим магистратам. Особого религиозно-магического характера магистратура диктатора, по сравнению с ординарной высшей магистратурой, не имела, – соглашусь в этом с автором рецензируемой монографии, – но религиозно-магическая сторона его деятельности была, и восприятие римским народом его статуса как особого в этом отношении тоже, полагаю, было.

Расширяя свой вывод – от диктатуры на всю магистратуру в целом (в собирательном смысле этого понятия), – А.М. Сморгков подчеркивает, что «сакрализация личности правителя... в Риме не получила развития», «скорее следует говорить о сакрализации самой власти, ее полномочий и титула царя», а «магистратура сохранила от царей ряд полномочий в религиозной области» (эти утверждения я принимаю), но дальше следует результирующий тезис: «принципиальной чертой стала утрата ею (магистратурой. – В.Д.) сакрального характера, присущего царской власти» (с. 428). Видимо, различие наших подходов состоит и в том, что для А.М. Сморгкова сакральные функции и сакральный характер власти – разные вещи (с. 120), а для меня характер власти определяется не в последнюю очередь и через функции.

В отличие от диктатуры, А.М. Сморгков признает и даже акцентирует особое сакральное значение цензуры, подчеркивая при этом близость данных магистратур с государственно-правовой точкой зрения (с. 180–181), усматривая эту близость и в случае выполнения цензорами обряда «вбивания

⁵ Дементьева 1995, 36, 50, 100–101.

гвоздья», указывая к тому же на немногочисленность обязанностей цензоров, имевших отношение к религии и заключавшихся прежде всего в проведении обряда *lustrum*. Такое сближение делает еще более нелогичным вывод об отсутствии какой бы то ни было сакральности у магистратуры диктатора, а тем более у всей республиканской магистратуры в целом (куда, безусловно, относится и цензура), сделанный в заключении к монографии. Этот вывод развит там в тезисы о разделении при Республике религиозных и политических функций и о коренном перевороте в религиозном оформлении магистратской власти (с. 428). Что касается упомянутого ритуала *lustrum*, то он рассмотрен в четвертом параграфе II главы достаточно подробно и религиозно-политическое значение его показано весьма рельефно.

В первых двух главах монографии также хорошо аргументирован вывод о том, что «не приходится говорить о какой-либо сакральной инвеституре римских магистратов» (с. 72), весьма тонко характеризует религиозная сторона процедуры *renuntiatio* (с. 72–89), интересно проведена типологизация консулов-суффектов (с. 92–96).

Если в I и II главах изучаемая проблема показана со стороны магистратской власти, т.е. рассматривается «власть и религия», то в III и IV главах объектами изучения выступают сакральные институты, т.е. угол исследовательского зрения уже «религия и власть». Эта двунаправленность ракурса отображения дает в итоге объемную картину, показывая одновременно самобытность авторского подхода и оригинальность поиска точек пересечения политики, права и религии в республиканском Риме.

В III главе подробно рассмотрены коллегии авгуров и понтификов, выявлено религиозно-политическое значение коллегии жрецов священнодействий. Предваряет изложение материала о жреческих коллегиях емкий очерк общей характеристики римского публичного жречества. Андрей Михайлович – признанный специалист в области изучения жреческих коллегий, в данном же случае обращает на себя внимание, что протягивая автором нить, связывающая деятельность римского жречества с большой политикой и ежедневной политической жизнью, на протяжении главы в основном не теряется. Выясняя значение авгуров в политическом процессе, А.М. Сморгчов ведет диалог со своим ближайшим коллегой Л.Л. Кофановым по поводу их роли при принятии законов (с. 241 и сл.), – диалог этот, судя по всему, будет продолжен в дальнейших обсуждениях на страницах научных изданий. А.М. Сморгчов уделяет внимание священному землевладению, делая обоснованный вывод о том, что «экономическое значение его было невелико», а «римское жречество имело крайне маломощную экономическую базу и к тому же было стеснено в распоряжении ею» (с. 215). Рассматривая сложное соотношение прав на *spectio*, наблюдение за знаками божественного волеизъявления, и *nuntiatio*, сообщение магистрату об итогах императивных ауспиций и о наличии облативных ауспиций (с. 232–237), автор подчеркивает самостоятельность магистратов во взаимоотношениях с миром богов, но вместе с тем усматривает и значительное неформальное влияние авгуров. Подводя итоги анализу деятельности коллегии авгуров, он отмечает: «При всем сакральном и политическом значении авгурской коллегии она была подчинена коллективному органу римской знати – сенату. В таких условиях инициатива могла исходить только от политической власти, что ставило деятельность авгуров (и других жрецов) в жесткие рамки ради сохранения существующей социально-политической системы» (с. 263). Безусловно, это принципиальный вывод о соотношении органов политической и религиозной власти в Римской республике. В следующих параграфах III главы он дополнен выводами о том, что у понтификов не было «самостоятельного политического значения» (с. 293) и политических функций при проведении собраний любого типа (с. 306), а жрецы священнодействий находились в «прямой и явной зависимости» от политической власти (с. 322). Заслуживает одобрения и детальное, часто по крупницам, аккумулирование материала по многим поднятым в главе вопросам, например, о калатных комициях (при выяснении роли на них верховного понтифика – с. 267–271).

В главе о храмах (IV) внимание к терминологическому анализу, свойственное всей монографии и ее, безусловно, украшающее, со стороны А.М. Сморгчова возрастает, тщательно выясняется, что включалось в процедуры *locatio* и *dedicatio* (*consecratio*). Автор в итоге подчеркивает, что «храмы в республиканском Риме не просто находились под контролем политической власти, а фактически являлись составной частью общественной собственности» (с. 407), усматривая «исходные причины римского своеобразия» статуса и роли храмов в тех процессах, которые были обусловлены «победой патрицианской аристократии над царской властью, а не победой плебса над патрициями» (там же).

В целом, сакрально окрашенной была жизнь римской общины во многих ее сторонах, включая и политическую, поэтому изучение темы «религия и власть» необходимо для понимания всей сложной системы сакрально-публично-правовых отношений в *civitas* республиканской эпохи. Значительный шаг в продвижении на пути масштабного исторического воссоздания этой системы сделан автором рецензируемой монографии, поэтому вклад его я оцениваю как весьма и весьма существенный. Издание этой книги наглядно показывает, как идет процесс накопления научных знаний: мне, естественно, например, отчетливо видно, как и в чем Андрей Михайлович опирался на мои исследова-

тельские результаты, уточняя их в отдельных моментах и продвигаясь дальше; я в дальнейшем, если силы мои окажутся еще не исчерпанными, буду, уже при опоре на его достижения, корректируя их в том, где смогу сделать шагок глубже, продвигаясь вперед благодаря, не в последнюю очередь, сделанному им. В любом случае другие историки, в том числе следующего поколения, изучая Римскую республику, имеют возможность опереться на квалифицированно и добросовестно проделанный А.М. Сморгочевым исследовательский труд.

Литература

1. *Дементьева В.В.* 1995: Магистратура диктатора в ранней Римской республике (V–III вв. до н.э.). Ярославль.
2. *Дементьева В.В.* 2003: Римская чрезвычайная власть эпохи ранней Республики: историко-правовая модель // *Она же.* Децемвират в римской государственно-правовой системе середины V в. до н.э. М., 161–176.
3. *Дементьева В.В.* 2005: Магистратская власть Римской республики: содержание понятия *imperium* // ВДИ. 4, 46–75.
4. *Дементьева В.В.* 2010: Римская *civitas* республиканской эпохи // Античный полис. Курс лекций / В.В. Дементьева, И.Е. Суриков (отв. ред.). М., 149–156.
5. *Сморчков А.М.* 2012: Религия и власть в Римской республике: магистраты, жрецы, храмы. М.

В.В. Дементьева,
доктор исторических наук, руководитель
Научно-образовательного центра антиковедения
Ярославского государственного университета

© 2013 г.

Seleucid Dissolution. The Sinking of the Anchor. Ed. by K. Erickson, G. Ramsey. (Wiesbaden: Harrassowitz Verlag, 2011). (Ser. Philippika 50). 209 p.

14–17 июля 2008 г. в Университете Эксетера состоялась научная конференция на тему «Упадок Селевкидов. Погружение якоря: распад и трансформация империи», которая была организована Дж. Рамси и К. Эриксоном. Главной темой конференции стал феномен упадка государства Селевкидов в контексте общего заката эллинистической цивилизации. Участниками конференции были рассмотрены различные аспекты истории поздних Селевкидов, суммированы основные историографические точки зрения и представлены некоторые новые оригинальные решения, наметившие дальнейшие перспективы развития данной темы. Материалы докладов, прочитанных на заседаниях, были положены в основу рецензируемого сборника статей*.

Основной идеей сборника является попытка ответить на один довольно сложный вопрос, поставленный главными редакторами издания Дж. Рамси и К. Эриксоном во вводном разделе «Погружение якоря» (с. 13–18). А именно: как столь крепкая и сильная система власти, как империя Селевкидов, могла разрушиться столь стремительно за два последних десятилетия своего существования. Этому феномену Дж. Рамси и К. Эриксон придают несколько поэтизированную окраску и сравнивают его со стремительным погружением якоря, используя при этом аллюзию на якорь как на символ власти династии Селевкидов.

Открывает сборник статья Д. Энджелса «“Феодализм” на среднем Востоке и закат Селевкидов» (с. 19–36). Автор представил весьма оригинальный взгляд на проблему упадка государства Селевкидов, связав его с так называемым процессом «феодализации», который был характерен для ближневосточных империй начиная с державы Ахеменидов и вплоть до Сасанидов. В данном контексте

---

* Автор выражает признательность доктору (PhD) отдела классической филологии и древней истории университета Эксетера (Великобритания) К. Эриксону за возможность ознакомиться с рецензируемой работой и помощь при написании рецензии.